

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 34(50)
2014

СОДЕРЖАНИЕ

**САММИТ НАТО В УЭЛЬСЕ:
КОНЕЦ ИСТОРИИ ОТСРОЧЕН**
Дмитрий Данилов

ПОЛЬША И СОБЫТИЯ 2014 г. В УКРАИНЕ
Лариса Лыкошина

**ФОРМАТ «5+2».
ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ**
Игорь Трифионов

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС:
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН**
Сергей Маркедонов

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

САММИТ НАТО В УЭЛЬСЕ: КОНЕЦ ИСТОРИИ ОТСРОЧЕН

Дмитрий Данилов,

заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН

Выбор пути: НАТО в тумане

Когда Генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен в ноябре 2013 г. объявил, что очередной саммит Альянса состоится 4–5 сентября 2014 г. в Южном Уэльсе, была подчеркнута не только его важность, но и то, что лидерам стран-участниц предстояло определить будущее Североатлантического союза после завершения к 2015 г. самой крупной в его истории операции – в Афганистане. В этом контексте перед НАТО встал целый комплекс взаимосвязанных проблем внутренней трансформации, определения будущих приоритетов и ключевых направлений военно-политической активности. Конечно, принципиально важно было продемонстрировать успешность миссии Альянса в Афганистане, особенно на завершающем этапе операции международных сил содействия безопасности (МССБ), возглавляемых НАТО. И не только для внешних партнеров и мирового сообщества, но и для самих государств-членов, для внутренней консолидации Альянса.

Необходимо было также провести тщательную и всестороннюю оценку уроков афганской миссии и ее результатов – как накопленного опыта и потенциала, так и проявившихся проблем и разного рода дефицитов. С учетом такого анализа НАТО предстояло определить свою потенциальную роль на афганском треке после вывода сил МССБ, но главное – утвердить перспективные направления и параметры институциональной и оперативной перестройки Альянса. Причем речь шла не столько о традиционной оптимизации натовской машины и ее механизмов, сколько о поиске ответа на ключевой вопрос – куда, на какие задачи перенацелить активность после выхода из Афганистана. Сформулированная А. Фог Расмуссеном для Уэльского саммита цель – «модернизация Альянса, чтобы он оставался сильным, гибким и готовым к любым вызовам безопасности» – была слишком общей и неопределенной. И именно потому, что НАТО оказалась на перепутье, перед крайне сложной дилеммой выбора будущего пути. Уэльс, по существу, стал своего рода транзитным пунктом, где 28 стран-участниц должны были совместно решить, куда и как двигаться дальше, как сохранить накопленный потенциал: политический, оперативный, военно-технический.

Договориться об этом было крайне сложно, несмотря на, казалось бы, уже созданную общую платформу – Стратегическую концепцию НАТО, принятую в ноябре 2010 г. на саммите в Лиссабоне. Ведь она отражает вовсе не единое видение будущего, а достигнутый на том этапе компромисс. Прежде всего, между теми, кто

продолжал настаивать на усилении центральной функции – коллективной обороны (и вследствие ее наличия, т.е. «защиты», вступил в НАТО), и теми, кто, напротив, считал необходимым сосредоточиться на парировании нетрадиционных, неконвенциональных угроз и вызовов и развивать сотрудничество с Россией.

Таким образом, саммит в Уэльсе должен был найти алгоритм решения всех трех основных задач, определенных НАТО в Стратегической концепции 2010 г., – коллективная оборона, кризисное реагирование и безопасность на основе сотрудничества¹, в которых появилось слишком много неизвестных и переменных величин, а также ограничений.

НАТО идет на Восток

НАТО изначально осудила «незаконную аннексию Крыма» и «агрессию России против Украины»². На саммите лидеры Альянса подтвердили, что «осуждают самым решительным образом усиливающееся незаконное военное вмешательство России в Украине и требуют, чтобы Россия прекратила свои действия и вывела свои войска из Украины и с украинских границ»³. Это коренным образом изменило не только повестку Уэльского саммита, добавив в нее «еще одну» серьезную проблему, но и долгосрочную повестку НАТО.

В результате саммит, который должен был пройти под знаком выхода из Афганистана, по существу стал ответом на «российский вызов». Страны – участницы НАТО в итоговой декларации констатировали, что в евро-атлантической безопасности наступил «поворотный момент», поскольку «агрессивные действия России против Украины стали фундаментальным вызовом нашему евро-атлантическому видению Европы – единой, свободной и мирной». Показательно, что другие угрозы и вызовы Евро-Атлантике (и международной безопасности), которые прежде считались основными – растущая нестабильность южного окружения от Ближнего Востока до Северной Африки, «транс-

¹ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation, adopted by Heads of State and Government in Lisbon (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm).

² Обвинения России: расставим точки над «и» (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109185.htm).

³ Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales (http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en).

национальные многомерные угрозы», – в документе сопровождаются словом «также»¹.

Сдерживание России стало главным ориентиром для пост-афганского будущего НАТО. Прежде всего, лидеры Альянса согласились с тем, что изменившаяся ситуация требует вернуться к истокам – обеспечить, в первую очередь, коллективную оборону. НАТО исходит из того, что «аннексия Крыма» и «продолжающаяся» российская интервенция на востоке Украины «создают новую, дестабилизирующую стратегическую реальность»². Поэтому принятый План действий по готовности НАТО – ПДГН (NATO Readiness Action Plan) отвечает на «изменения среды безопасности на границах НАТО» и на «вызовы, порожденные Россией, и их стратегические последствия»³. С оговоркой, что План «также» учитывает риски и угрозы с южного направления и «также» усиливает потенциал кризисного реагирования. ПДГН включает два главных элемента – обеспечение гарантий безопасности НАТО и стратегическую адаптацию военной машины Альянса. Гарантии безопасности подразумевают постоянное присутствие триады вооруженных сил (ВВС, ВМС, СВ) и существенную военную активность НАТО в ее восточной зоне – на ротационной основе. Речь идет о формировании структур и сил сдерживания на восточных рубежах Альянса, гибких и способных к наращиванию, т.е. фактически о возврате НАТО к концепции передового присутствия. Планируется увеличить боеготовность Сил быстрого реагирования НАТО и усилить их так называемым «наконечником копья» – объединенными оперативно-тактическими группами особой готовности (VJTF).

Ясно, что эта «адаптация» также подразумевает наращивание военных приготовлений на востоке Альянса. Там на ротационной основе будут сформированы командно-штабные структуры для планирования и проведения подготовки по сценариям «коллективной обороны» и, при необходимости, для обеспечения наращивания сил; будет создаваться соответствующая инфраструктура, склады военного оборудования и тылового обеспечения, специальные военные базы. Если в Стратегической концепции указывается, что «угроза нападения обычных вооруженных сил на территорию НАТО мала», то решения валлийского саммита, напротив, нацелены на трансформацию для «сдерживания агрессии против союзников по НАТО и демонстрации готовности защитить территорию НАТО»⁴. Будет развернута новая программа учений, более масштабных и интенсивных, сфокусированная на миссии коллективной обороны, включая комплексное реагирование на сложные сценарии гражданско-военных конфликтов («украинского типа»). Акцент делается на необходимости отвечать на так называемые «гибридные военные угрозы», включающие явные и скрытые военные, военизированные и гражданские составляющие, по-

скольку на Украине «российские руководители использовали и обычную военную силу, и гибридные средства, в комбинации с продуманной пропагандистской кампанией, в попытке установить сферу влияния на пространстве, которое они называют своим «ближним зарубежьем»⁵.

Утвержденная Концепция структурообразующих наций НАТО (NATO Framework Nations Concept) нацелена на формирование группами стран – участниц многонациональных сил и средств под руководством одной из них для действий прежде всего на европейском ТВД. Уже объявлено о создании трех таких оперативных групп (под руководством Германии, Великобритании и Италии). Два государства Альянса заявили о намерении учредить Совместные многоцелевые экспедиционные силы.

Вашингтон готов платить за подобную реконфигурацию НАТО. В преддверии саммита Обама обнародовал американскую Инициативу по укреплению гарантий в Европе («European Reassurance Initiative») и запросил у Конгресса в следующем году 1 млрд долл. – на укрепление американского присутствия в Европе, «особенно в Центральной и Восточной», чтобы ясно продемонстрировать «поддержку союзникам, которые внесли решительный и мужественный вклад в операции НАТО в Афганистане и в других местах и которые теперь глубоко озабочены» аннексией Крыма и иными провокационными действиями на Украине⁶. Мотивация Вашингтона отнюдь не сводится к благородному желанию отблагодарить партнеров в трудный час. Да и вряд ли угроза со стороны России в контексте украинского кризиса реально возросла в военно-политическом плане. Зато военный ответ НАТО на геополитические изменения в Европе позволяет сформировать новую политическую реальность и существенным образом изменить расклад сил внутри Европы, в американско-европейских отношениях, в других регионах. Европа, в свое время не решившаяся разменять сотрудничество с Россией на интеграцию Грузии и Украины в НАТО, теперь вновь вернулась в русло американской стратегии освоения постсоветского пространства, в том числе и через политику «открытых дверей».

США оплачивают свои интересы в Европе и место лидера в НАТО. На протяжении последних двух-трех лет и особенно в период подготовки к Уэльсу Вашингтон оказывал нарастающее давление на союзников, чтобы они увеличили вклад в коллективную оборону и безопасность. Характерно, что Генсек НАТО обосновывает необходимость больших расходов на оборону относительно отставанием от России, которая повысила свой оборонный бюджет за последние пять лет на 50%, тогда как страны НАТО снизили их на 20%. Т.е. Россия рассматривается уже не как партнер, а как оппонент, которому необходимо противостоять, наращивая оборонный потенциал.

Несмотря на «понимание», подавляющее большинство европейских стран так и не смогли увеличить

¹ Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. (http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en).

² Wales Summit: the rollout of NATO 4.0. Remarks by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the NATO Future Leaders Summit, Cardiff – 5 September 2014. (http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_112977.htm).

³ Wales Summit Declaration.

⁴ Wales Summit Declaration.

⁵ Wales Summit: the rollout of NATO 4.0. Remarks by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the NATO Future Leaders Summit, Cardiff – 5 September 2014 (http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_112977.htm).

⁶ Fact Sheet: European Reassurance Initiative and Other U.S. Efforts in Support of NATO Allies and Partners (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/06/03/fact-sheet-european-reassurance-initiative-and-other-us-efforts-support->).

военные расходы до 2% от ВВП, как было решено в НАТО. На фоне возвращения США в Европу, укрепления их гарантий и присутствия европейские союзники должны были принять на себя соответствующие обязательства, которые теперь трактуются как необходимый вклад в оборону европейских границ НАТО¹. Эти обязательства были приняты в Уэльсе. Те страны, которые уже вышли на двухпроцентный уровень (Британия, Греция и Эстония), обязуются его поддерживать, а остальные – не снижать военные расходы в реальном выражении и достичь двухпроцентного показателя в течение десятилетия. Обзор выполнения принятых обязательств будет проводиться ежегодно, т.е. странам-участницам предстоит проходить процедуру коллективной аттестации своих финансовых усилий, направленных на укрепление европейской обороны. Это станет и одним из тестов для американо-европейских отношений и отношений между США и отдельными странами – участницами НАТО. Для многих из них выйти на двухпроцентный уровень крайне сложно (если вообще возможно), но и не двигаться в этом направлении теперь весьма проблематично с точки зрения отношений с партнерами. Однако 10-летний срок выполнения обязательств все же позволяет проявлять достаточную гибкость, и нет абсолютно никакой уверенности, что взятые в Уэльсе обязательства удержатся в течение этого срока, и этот момент останется раздражителем и в рамках Альянса, и в европейско-американских отношениях.

НАТО – Россия: Точка невозврата?

Итак, до украинского кризиса «постафганские» дилеммы считались ключевыми для будущего НАТО и центральными в повестке Уэльского саммита. Что делать с Афганистаном, с которым ничего поделаться так и не удалось, куда перенацелить усилия после «главной» миссии? – ответов, по существу, не было, и это угрожало НАТО внутренней эрозией, включая ослабление трансатлантической связи, потерю заинтересованных партнеров, деградацию оперативного потенциала, размыванием позитивного имиджа. Но в контексте беспрецедентного в новейшей истории Европы украинского кризиса Альянс получил возможность относительно снизить профиль афганского вопроса, выведя на первый план российскую угрозу в качестве ориентира для необходимого постафганского реформирования НАТО.

Именно так Москва оценила основные итоги валлийского саммита: «На саммите была взята линия на продвижение инфраструктуры НАТО «на Восток, и украинский кризис стал лишь поводом для начала их реализации». Если НАТО возлагает на Россию всю ответственность за разрушение фундамента сотрудничества, Москва подчеркивает обоснованность своих прежних озабоченностей: «Альянс, созданный в эпоху холодной войны как военно-политическая организация, в принци-

пе не способен изменить свой генетический код»². На особую, принципиальную озабоченность Москвы расширением НАТО на Восток Альянс отвечает обвинением в «прямой военной интервенции в Украину» и углублением Особого партнерства с Украиной по всем линиям для укрепления ее способности обеспечивать собственную безопасность»³ (читай – от российской угрозы). Акцентированная констатация неизменности политики «открытых дверей» НАТО также имеет антироссийский контекст. Лидеры НАТО озабочены линией России в отношении Грузии и Молдовы и намерены укреплять безопасность стран Черноморского региона и увеличивать там военное присутствие.

Б. Обама прибыл в Уэльс с пониманием того, что НАТО наряду с поддержкой Украины должна «сделать больше, чтобы помочь другим партнерам, включая Грузию и Молдову, усилить их оборону»⁴. «Союзники также подтвердили обязательства по поддержке территориальной целостности, независимости и суверенитета Армении, Азербайджана, Грузии и Республики Молдова»⁵. На Грузию и Молдову наряду с Иорданией распространена натовская Инициатива в области потенциала обороны и безопасности, учрежденная для поддержки государств-партнеров и усиления кризисного предупреждения. Саммит также отметил существенный прогресс Грузии в контексте бухарестских решений 2008 г. о том, что «Грузия станет членом НАТО», подтвердил «все элементы этого решения», наметив меры по продвижению Грузии к членству в Альянсе⁶.

Предельно жесткие взаимные оценки Россией и НАТО не только разногласий (которые после грузинского кризиса было решено не драматизировать, развивая конструктивное сотрудничество), и даже не только «непартнерского поведения», но самой «политической сущности» бывших партнеров по существу означают переход точки невозврата. Подтвержденные в Уэльсе ориентиры НАТО на сдерживание России, вне зависимости от степени обоснованности обоюдных оценок, рассматриваются в России в категориях новой, а скорее, не оконченной холодной войны. Признается доказанным тезис о том, что главный ответ на неучет российских озабоченностей должен быть военно-техническим. И если Москва ввела ответные ограничения на санкции ЕС, то на военно-политическое реформирование НАТО под «российскую угрозу» Москва, конечно, ответит пересмотром своих оборонных программ и планов. Такая конфронтационная логика объективно меняет вектор европейского развития и заставляет задумываться не о восстановлении сотрудничества, а о минимизации взаимных ущербов и поддержании стабильности на основе военно-политических балансов. Политика НАТО, которая, по мнению Москвы «диктуется Вашингтоном и «яс-

² Комментарий МИД России в связи с саммитом НАТО в Уэльсе, 5 сентября 2014 г. 2059-05-09-2014 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fd5/44257b10005eea844257d4a004d4a54!OpenDocument>).

³ Wales Summit Declaration.

⁴ Remarks by President Obama to the people of Estonia. Tallinn, Estonia, September 3, 2014 / The White House. Office of the Press Secretary. (<http://ipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2014/09/20140903307451.html#axzz3DSUEkdmS>).

⁵ Wales Summit Declaration.

⁶ Wales Summit Declaration.

¹ По словам Филипа Хэммонда, британского министра обороны, а с 15 июля 2014 г. министра иностранных дел, «действия России стали для стран НАТО суровым напоминанием, что свобода зависит от готовности инвестировать в оборону. Мы не можем ожидать, чтобы все эти инвестиции шли от Соединенных Штатов» (<http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/special-summit-series-the-united-kingdom-and-nato>).

требам» в некоторых европейских столицах, направлена на доминирование в военной сфере в Европе»¹ и требует от нее поиска «адекватных ответов».

Валлийские договоренности по Афганистану, в отличие от реагирования на новые вызовы со стороны России, ожидаемо, так и не стали какой-то новой «афганской стратегией». В Декларации по Афганистану, принятой НАТО совместно с партнерами по МССБ, подчеркивается «решимость обеспечить, чтобы мы [НАТО. – *Авт.*] никогда больше не столкнулись с угрозой террористов с территории Афганистана» и фактически лишь подтверждается прежние решения Лиссабонского и Чикагского саммитов продолжить вовлеченность в Афганистан и после прекращения военной операции². В краткосрочной перспективе НАТО планирует новую миссию «Решительная Поддержка» для содействия становлению афганских национальных сил безопасности (АНСБ), в среднесрочной – финансовую поддержку последних с ориентиром на их полное самообеспечение к 2024 г. В долгосрочном плане НАТО по-прежнему будет развивать отношения с Афганистаном в рамках согласованной в Лиссабоне в 2010 г. Программы устойчивого партнерства, которая может быть дополнена подписанием, когда и если это окажется возможным, Индивидуальной программы сотрудничества.

Россия, хотя и признает вклад МССБ в стабилизацию в Афганистане, тем не менее, по-прежнему считает их вывод «поспешным и мотивированным, скорее, политическими соображениями», что обуславливает деградацию ситуацию в стране, включая ослабление правительственного контроля и усиление позиций талибов, «катастрофический» рост производства наркотиков и наркотрафика. «Задачи, которые НАТО ставила перед собой, прежде всего, в плане стабилизации страны, так и не решены»³.

Москва предупреждает НАТО о недопустимости выхода за рамки согласованного с афганскими властями мандата «с иными целями». Поскольку МССБ действовали согласно резолюции 1386 СБ ООН, Россия ожидает от Альянса, что в конце 2014 г. он отчитается перед Советом Безопасности о выполнении мандата и признает необходимость новой резолюции для своей новой учебно-тренировочной миссии. НАТО, со своей стороны, считает выход на такую резолюцию возможной «в идеале», но отнюдь не обязательной для развертывания миссии «Решительная Поддержка», для которой существуют иные правовые рамки – соглашения США и НАТО с Правительством Афганистана.

Такое принципиальное несовпадение позиций, причем в кардинально изменившемся контексте российско-натовских отношений, может привести к крайне негативным последствиям. Вполне вероятно, Россия и НАТО не смогут (или даже не захотят) договориться по новой «афганской» резолюции. В результате Афганистан из поля сотрудничества СРН переместится в область острых политических разногласий и соперничества. Повестка практического взаимодействия России и НАТО, во многом «заточенная» под Афганистан, окажется по существу закрытой, а перспективы реанимации СРН – близкими к нулевой отметке. Афганские вызовы безопасности возрастут, а возможности международного противодействия существенно снизятся.

Поэтому, несмотря на очевидные препятствия, России и НАТО стоило бы приложить обоюдные усилия для выработки новой резолюции ООН. В результате удалось бы сохранить афганское урегулирование в контексте международного сотрудничества, и одновременно создать площадку для диалога и взаимодействия в условиях нынешнего острого кризиса взаимоотношений, снизив градус его военно-политического накала. Однако решение НАТО сохранить СРН в качестве «канала коммуникаций» и ответная российская заинтересованность пока не дают ответа на вопрос, какая, собственно, конструктивная повестка может вновь объединить нынешних оппонентов. Тем более, если, как заявляет А. Вершбоу, «мы [США/НАТО. – *Авт.*] будем ждать то время, когда более просвещенное руководство в Москве позволит нам восстановить истинное стратегическое партнерство с Россией»⁴; а Москва, по словам А. Грушко, после саммита в Уэльсе не видит «темы, которую мы могли бы обсуждать»⁵. При этом «другие» вызовы, прежде всего, исламский экстремизм и формирование им широкого «террористического фронта», объективно остаются важнейшими. НАТО заявляет, что не готова в отношениях с Россией поступаться основополагающими ценностями, но готов ли Запад жертвовать ими, отказываясь от совместной с Россией борьбы против глобальных вызовов, несущих в себе цивилизационные угрозы, угрозы самой идее Большой Европы и широкого евро-атлантического сообщества безопасности?

¹ Комментарий МИД России в связи с саммитом НАТО в Уэльсе.

² Wales Summit Declaration on Afghanistan. (<https://www.gov.uk/government/publications/wales-summit-declaration-on-afghanistan/wales-summit-declaration-on-afghanistan>).

³ Интервью Постоянного представителя России при НАТО А.В. Грушко агентству «Интерфакс», 28 августа 2014 года. 1996-28-08-2014 (<http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/44257b100055eea844257d42004d076f?Open Document>).

⁴ Wales Summit: the rollout of NATO 4.0. Remarks by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the NATO Future Leaders Summit, Cardiff – 5 September 2014 (http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_112977.htm).

⁵ <http://pressria.ru/pressclub/20140912/949536565.html>

ПОЛЬША И СОБЫТИЯ 2014 г. В УКРАИНЕ

Лариса Лыкошина,

главный научный сотрудник, Отдел Восточной Европы ИНИОН РАН

В событиях 2014 г. в Украине Польша проявила себя как один из наиболее активных и заинтересованных политических акторов. Такая позиция страны вполне логично обусловлена всей предшествующей историей польско-украинских отношений. Историей, исполненной драматизма и сложностей, как в давно минувший период пребывания обоих народов в составе I Речи Посполитой, так и во времена не столь отдаленные от наших дней.

После демократических преобразований конца 80-х годов XX в. во взаимоотношениях Республики Польша (РП) и Украины началась новая эпоха. Крушение социалистической системы и ее оплота – СССР позволило Польше решительно изменить свою внешнеполитическую ориентацию, придав ей совершенно определенное евро-атлантическое направление. Польско-украинские отношения в 90-е годы правомерно рассматривать в широком контексте «восточной политики» Польши, т.е. ее взаимоотношений с Украиной, Беларусией, Литвой и Россией. На формирование этого направления серьезное влияние оказала концепция Ежи Гедройца¹ – Юлиуша Мерошевского². Как известно, согласно идеям идеологов «Культуры», принципиально важным для польской Восточной политики является выстраивание отношений не только с Россией, но и с Украиной, Беларусией, Литвой, являющихся непосредственными соседями Польши. При этом необходимо признать, что польско-российские отношения всегда были, как писал Ю. Мерошевский «...лишь функцией той ситуации, которая складывалась на этих территориях в данный исторический период»³.

Своеобразным свидетельством влияния этих идей на формирование новой ориентации польской внешней политики может служить принцип «двухколейности», реализуемый польской дипломатией после 1989 г. и означающий параллельное выстраивание отношений с СССР и отдельными республиками. Именно такая политика рассматривалась как наиболее адекватная в контексте провозглашенных летом 1990 г. союзными республиками деклараций о суверенитете.

Период «двухколейности» закончился вместе с распадом СССР и признанием Польшей независимости бывших советских республик. С окончанием этого этапа начался этап двусторонних польско-украинских отношений. Польша уделяла этой стране особое внимание: именно РП была первой страной, признавшей независимость Украины после всеукраинского референдума

1991 г. В конце 90-х – начале 2000-х годов польский президент А. Квасьневский встречался с президентом Украины Л. Кучмой чаще, чем с главой какого либо другого государства. Однако, по выражению польского историка международных отношений Р. Кузьняра, это был «сизифов труд»⁴, ибо Л. Кучма, на словах выступая за сближение с Европой, на деле проводил далеко не однозначную политику. Здесь в полной мере проявилось соперничество между Россией и Польшей за влияние в Украине. С начала 2000-х годов, казалось, усилилось пророссийское направление украинской политики. Анатолий Зленко, сменивший Бориса Тарасюка, был склонен проводить политику «стратегического партнерства» с Россией и не более, чем «добрососедства» с Польшей.

Однако к 2002 г. ситуация вновь меняется. Была даже принята «Программа интеграции Украины с ЕС», в том же году Л. Кучма поднял вопрос о готовности Украины вступить в НАТО, но отношения с Альянсом складывались не самым лучшим образом: Украину обвиняли в поставках оружия на Ближний Восток, а в самой стране 80% населения было против вступления в НАТО.

Поляки упорно поддерживали прозападный вектор развития Украины, в 2003 г. украинские политики вновь стали говорить о «стратегическом партнерстве» с Польшей. Но поворотным моментом стали события «оранжевой революции» 2004 г. в Киеве. Кризис, разразившийся в Украине, был улажен при самом непосредственном участии польской стороны, в частности президента А. Квасьневского. Участие в событиях принимали не только руководители страны, но и гражданское общество: вся Польша распевала песенку «Вместе нас много», ставшую гимном «оранжевой революции», немало поляков было на Майдане, три тысячи наблюдателей работали на избирательных участках. Общественное мнение Польши было явно на стороне В. Ющенко. После того, как он победил во втором туре, казалось, что и Польша победила в Украине.

Министр иностранных дел РП А. Ротфельд говорил тогда, что массовая поддержка поляками «оранжевой революции» может стать основой для перелома в отношениях двух стран. Сменивший его на посту главы польского МИДа С. Меллер также отводил Украине особое место во внешней политике Польши. Как никогда часто звучали в то время слова о том, что «без свободной Украины не будет свободной Польши и без свободной Польши не будет свободной Украины».

Именно благодаря Польше начиная с 2004 г. ЕС поддерживал «оранжевую революцию» в Украине. Резолюция «Ситуация в Украине», почти единогласно одобренная Европарламентом, была принята по инициативе

¹Ежи Гедройц (1906–2000) – польский публицист и политик. Основатель и бессменный редактор журнала «Культура».

²Юлиуш Мерошевский (1906–2000) – польский писатель и публицист, ближайший соратник Е. Гедройца.

³Mieroszewski J. Rosyjski «komplex polski» i obszar ULB // Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy. – Lublin, 1997. – S. 352.

⁴Kuźniar R. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. – W-wa, 2012 – S. 254.

Я. Сариуш-Вольского, который будучи вице-председателем Европарламента, отвечал за восточное направление политики соседства. В принятой резолюции отмечались исторические связи Украины со странами ЕС, принадлежность страны Европе, содержался призыв к непризнанию итогов выборов. Польские депутаты провели серию встреч и консультаций со своими коллегами, побуждая их активно вмешаться в решение украинского вопроса. В итоге была принята резолюция по вопросу об итогах президентских выборов в Украине, подготовленная М. Каминским. В документе отмечались перспективы Украины в плане вступления в ЕС, содержался призыв к украинскому народу поддерживать европейские ценности – гражданское общество, правовое государство. Как полагает Я. Сариуш-Вольский, именно в тот период благодаря активной позиции «полякам удалось обрести репутацию экспертов в области контактов с восточными соседями Союза»¹.

Свой первый заграничный визит В. Ющенко совершает именно в Варшаву. А. Квасьневский всячески опекал своего украинского друга в его стремлении приблизиться к Европе, тем более что Европарламент признал правомерность стремления Украины стать членом ЕС. В. Ющенко восторженно приветствовали в Гданьске на 25-летнем юбилее «Солидарности».

Активность Польши в ходе украинских событий 2004 г. акцентировала с особой силой несовпадение стратегических целей России и Польши. Президент А. Квасьневский, оценивая «оранжевую революцию», заметил, что «для каждой великой державы... Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной». Польский президент не скрывал своего удовлетворения победой над Россией, почти откровенно говорил о том, что в этой победе заинтересованы и США².

После «оранжевой революции» наступило резкое охлаждение в отношениях Польши с Россией, произошел целый ряд конфликтов и инцидентов. Полякам не удалось убедить российскую сторону, что позиция Польши в Украине не направлена против России, что это борьба за демократические ценности.

С 2005 г. динамика польско-украинских отношений снижается. Президент Л. Качиньский был больше сосредоточен на внутренних проблемах страны. В Украине ситуация также изменилась: в 2006 г. В. Янукович заявляет об отказе Украины от намерений вступить в НАТО. «Уставшая от расширения» ЕС не проявляет по отношению к Украине особого энтузиазма. Да и в самой Украине Польша все менее воспринималась как проводник интересов страны на Западе.

В период пребывания у власти партии «Право и справедливость» и президентства Л. Качиньского суть восточной политики сводилась к стремлению проводить такую же общую политику ЕС. Причем Польша претендовала на роль своего рода эксперта по Востоку, знала проблемы, способного противостоять России в ее попытках сохранить свое прежнее влияние в регионе.

Л. Качиньский заявлял в 2006 г., что Польша видит свою задачу в расширении границ «демократическо-

го мира дальше, на восток и юг». По инициативе польского президента был создан Фонд поддержки демократии в странах бывшего СССР. В задачу фонда входила пропаганда опыта польских реформ и укрепление образа страны как посредника в общении с Западом³.

С 2007 г., с приходом к власти правительства Туска, ситуация несколько изменилась. В восточной политике Польша скорее отказалась от концепции Гедройца, чем продолжила ее. Если понимать суть этой концепции как особое внимание к проблемам Украины и Белоруссии, то можно заключить вслед за Р. Кузьняром, что «прометеизм»⁴ уступил место нормальности⁵. На этом фоне происходило улучшение польско-российских отношений.

Однако достаточно поступательное развитие последних было вновь осложнено в связи с авиакатастрофой 10 апреля 2010 г., а также событиями в Украине в 2014 г. Польские политики решительно и однозначно осудили политику России. Когда в январе 2014 г. начались события на Майдане, ЕС не имел плана действий. Едва ли не первой отреагировала Польша. Уже 22 января польский премьер Д. Туск отправился в Европу со своим планом, предусматривающим санкции против России, финансовую помощь Украине, создание условий для нормальных выборов, подписание с Украиной договора об ассоциации с ЕС. С этими предложениями Д. Туск посетил семь стран ЕС.

18 февраля 2014 г., когда начался штурм Майдана, в Киев прибыл министр иностранных дел РП Р. Сикорский вместе со своими немецким и французским коллегами. Итогом стало подписание соглашения с В. Януковичем. Но реализовать соглашение не удалось. А затем политический контекст и вовсе изменился в связи с событиями вокруг Крыма.

Именно польский премьер отреагировал первым, предложив созвать чрезвычайное заседание Совета ЕС. Тогда в марте 2014 г. было принято решение о первых санкциях и о подписании политической части договора об ассоциации с Украиной.

Стремясь к выработке консолидированной польской позиции, Д. Туск провел в марте 2014 г. встречу с ведущими польскими политиками. На встрече присутствовали помимо прочих и А. Квасьневский, В. Чимошевич и Л. Миллер, представляющие польских левых, глава Крестьянской партии Я. Пехочиньский и лидер крупнейшей оппозиционной партии «Право и Справедливость» Я. Качиньский. Последний никогда не принимал участие в подобного рода встречах, отвергая любые предложения. Глава ПИС заметил по итогам встречи: «мы близки к такому положению вещей, когда можно говорить о единстве польских политиков по украинскому вопросу»⁶.

Президент Б. Коморовский в том же марте 2014 г. созвал Совет национальной безопасности для рассмотрения вопроса об Украине. Президент отметил, что безо-

³ Польша идет на Восток // Московские новости. – М., 2006. – 14 июля.

⁴ Прометеизм – политическая концепция Пилсудского, направленная на ослабление России (впоследствии СССР) посредством поддержки сепаратистских движений нерусских народов. Основывалась на ягеллонской идее.

⁵ Kuźniar R. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. – W-wa, 2012. – S. 375.

⁶ http://wyborcza.pl/1,75478,15552545,Kaczynski_Jestesmy_bliisko_stanu_w_ktorym_mozna_mowic.html#TRrelSST

¹ Albrycht I. Europejska polityka Sąsiedstwa w działalności polskich eurodeputowanych w IV kadencji Parlamentu Europejskiego. Komunikat z badań Instytutu Kosciuszki» Ranking polskich eurodeputowanych». – S. 268.

² Misja kijowska-rozmowa z prezydentem RP o sytuacji na Ukrainie // Polityka. – W-wa, 2004. – 18 grud.

пасности Польши ничто не угрожает, но сложившаяся ситуация угрожает международному порядку. Польша должна сделать соответствующие выводы в плане модернизации армии¹. Б. Коморовский полагает, что дестабилизация ситуации в Украине в интересах России, действующей в целях ослабления связей региона с Киевом².

С точки зрения польского президента, возможность разрешения конфликта, «ключ к поддержке Украины» находится в руках ЕС и США. Польша поддерживает США и старается влиять на ЕС с тем, чтобы Евросоюз осознал, что «если России удастся план дестабилизации Украины и приостановки процесса модернизации, то это будет угрозой всему политическому порядку в Европе». Президент считает, что вполне вероятен сценарий возвращения к холодной войне. Чем более прозападной является ориентация Украины, тем в большей безопасности Польша³.

В той же тональности оценивал ситуацию в Украине на тот момент еще возглавлявший польское правительство премьер Д. Туск (оставивший этот пост в связи с избранием на должность главы Совета ЕС). Он считает, что в Украине идет война, но «война особого типа, без объявления войны»⁴. По мнению польского премьера, ситуация напряженности провоцируется Россией. Шансов на дипломатическое урегулирование все меньше. НАТО и ЕС должны быть готовы к защите своих границ⁵. Причем, позиция Европы должна быть консолидированной. Евроскептики, полагает Д. Туск, «в реальности объективно, либо субъективно, играют роль политиков, помогающих Путину в его очень опасной игре»⁶. В роли евроскептиков традиционно выступает, прежде всего, ПиС, считающая, в частности, провальным проект Восточное партнерство, развитие которого большое значение всегда придавал Д. Туск.

Мысль о необходимости единой европейской политики и углублении евроинтеграции в полной мере поддерживают глава польских социал-демократов Л. Миллер и лидер партии «Твое движение» Я. Паликот. Они самым решительным образом выступают за углубление интеграции и вхождение Польши в зону евро. Я. Паликот даже полагает, что этот шаг был бы более эффективен, чем противоречивые установки⁷.

Хотя и последними поляки не склонны пренебрегать: в марте 2014 г. в Польшу прибыли самолеты и контингент американских войск. Наращивание военного присутствия НАТО предполагается и в дальнейшем: в октябре в Польше и странах Балтии будет размещена «элитная» часть Первой военной дивизии кавалерского полка США вместе с тяжелым вооружением, осенью в Восточной Европе запланированы масштабные военные учения, где к американским военным присоединятся британские и канадские механизированные войска.

Польша стремится убедить ЕС в необходимости единой политики. Как заметил П. Грась (генеральный секретарь правящей партии «Гражданская платформа»), «когда в темном лесу ты идешь против медведя, лучше это делать не одному, а в кампании сильных друзей»⁸. В ключевом значении европейского единства убежден и А. Квасьневский, прямо говорящий о создании «единого европейского фронта с привлечением США»⁹.

Концентрированным выражением польской позиции стало выступление в сейме 8 мая 2014 г.¹⁰ министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского. Основное внимание он уделил проблеме Украины. Министр выразил мнение, что действия России «безусловно, нарушают принципы мирного сосуществования народов», они «недопустимы с правовой точки зрения и политически небезопасны». Польша руководствовалась в отношениях с Россией постулатом Д. Туска, согласно которому надо воспринимать Россию «такой, какая она есть». Но это было возможно, пока Россия соответствовала критериям современного мира. Сейчас Россия, по мнению польского министра, вступила на путь агрессии, и Польша делает соответствующие выводы.

В своей недавно изданной книге Херман Ван Ромпей отмечает, что в момент его вступления на пост председателя Совета ЕС проблемы взаимоотношений Украины и ЕС волновали только Польшу, ныне же события в Украине небезразличны всей Европе. Известный польский политик и публицист А. Ротфельд считает это несомненным успехом Польши¹¹. Однако в свете тех драматических событий, которые разворачиваются в Украине, вывод Ротфельда представляется далеко не беспорным.

¹ Bronislaw_Komorowski__W_sprawie_Ukrainy_Polska_chce.html#TRrelSST

² <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,289,kryzys-na-ukrainie-wywolywany-by-utrudnic-wybory.html>

³ <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,278,pilnujemy-wlasnego-bezpieczenstwa.html>

⁴ <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-o-ukrainie-mamy-do-czynienia-z-wojna-choc-bez-wypowiedzenia,424408.html>

⁵ <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-dobrze-ze-polacy-martwia-sie-ukraina,426853.html>

⁶ http://wyborcza.pl/1,75478,15928040,Tusk_do_PiS_i_euroceptykow__Nie_pomagajcie_Putinowi.html

⁷ http://wyborcza.pl/1,75478,15928040,Tusk_do_PiS_i_euroceptykow__Nie_pomagajcie_Putinowi.html

⁸ http://wyborcza.pl/1,75968,15851753,Ukrainska_pobudka_Unii.html

⁹ http://wyborcza.pl/1,75478,15554149,Aleksander_Kwasniewski__Trzeba_bic_na_alarm.html#TRrelSST

¹⁰ http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku

¹¹ <http://wpolityce.pl/swiat/210091-rotfeld-putin-sie-przeliczyl-polityka-salami-odcinania-ukrainy-po-kawalku-zostala-zatrzymana>

ФОРМАТ «5+2». ОБМАНУТЫЕ ОЖИДАНИЯ

Игорь Трифонов

независимый эксперт, Приднестровье

Ну кто не смотрел замечательную советскую комедию Генриха Оганесяна «Три плюс два»? Поначалу не простые и порой конфликтные взаимоотношения между парой девушек и тремя молодыми людьми со временем сменяются искренней симпатией, плавно перерастающей в нечто большее.

Но это в кино. А на берегах седого Днестра и не думает заканчиваться бессарабский сериал под названием «5+2». Вот уже 20 (!) лет минуло с начала переговорного процесса по приднестровскому урегулированию, а действительно прорывных решений в области стабилизации социально-экономических и политических взаимоотношений между Молдовой и Приднестровьем нет. Основной площадкой для обсуждения вопросов такого рода был и пока еще остается переговорный формат «5+2» между Молдавской и Приднестровской сторонами, при участии посредников ОБСЕ, стран – гарантов Украины и России, а также наблюдателей США и Евросоюза.

С того самого момента как президентом Молдовы В. Ворониным в ноябре 2003 г. внезапно был отвергнут Меморандум Козака (предложенный Российской Федерацией способ разрешения политического противостояния между обоими берегами Днестра, предполагающий установление особого статуса Приднестровского региона на правах широкой федерализации), переговоры по приднестровскому урегулированию были фактически заморожены.

Переговоры возобновились лишь в 2005 г. в рамках региональной организации ГУУАМ на базе предложений, представленных украинским президентом В. Ющенко, но проходили в вялотекущем режиме, без желания сторон прийти к иному, более компромиссному соглашению по приднестровскому урегулированию.

Как представляется сегодня, молдавские коммунисты, потерявшие власть, о решении похоронить Меморандум жалеют. Они возможно и хотели бы отмотать 11 лет назад, переписав историю занести в собственный актив большую политическую победу, посредством предоставления Приднестровью широкого автономного статуса, при сохранении территориальной целостности Молдовы, но время, как говорится, ушло.

Сегодня в молдавском парламенте заседает коалиция из трех проевропейских партий (АЕИ)¹, единственно чего добившаяся за последние 4,5 года – так это частичной отмены визового режима между Молдовой и ЕС. Но заслу-

га в этом, судя по всему, не молдавских политических функционеров, а Евросоюза, преподнесшего Молдове столь желанный подарок, исходя не из успехов в процессе демократизации страны и даже не из-за принятого молдавским парламентом целого пакета «нужных» законопроектов за последние четыре года, сколько из сложившейся политической ситуацией вокруг Украины и перехода Крыма в состав России.

Это похоже на политический жест доброй воли. Евросоюзу, который за прошедшие несколько лет не может похвастаться какими-либо геополитическими победами на континенте, было крайне необходимо продемонстрировать Молдове и всем членам «Восточного партнерства» свою поддержку и решимость дальше оказывать покровительство молодым европейским демократиям.

Тем не менее Молдова хоть и граничит с Евросоюзом, хоть и мечтает туда попасть, но договариваться ей придется именно с Приднестровьем, так как вхождение в ЕС страны с неразрешенным территориальным конфликтом, да еще и с нахождением в ПМР миротворческих формирований России², представляется маловероятным.

Но вернемся к переговорному формату «5+2». Он, как известно, состоит из трех составляющих, а именно пакета социально-экономических вопросов, гуманитарно-правовых, а также вопросов политики и безопасности. Именно, последний пакет, иногда именуемый «третьей корзиной», и является камнем преткновения как для Молдовы, так и для ПМР.

Стоит отметить, что для прежнего руководства Приднестровья во главе с президентом И. Смирновым обсуждение с Молдовой вообще каких-либо вопросов преподносилось обществу как событие, ведущее в никуда, так как во всем, по мнению прежнего президента ПМР, виновата Молдова, совершающая «постоянные гадости» Левобережью.

Несговорчивость И. Смирнова могла объясняться элементарным желанием сохранить власть в республике, продолжив контролировать приднестровскую таможню, а также финансовые транши, поступающие из России в качестве гуманитарной помощи.

В декабре 2011 И. Смирнова на посту президента сменил молодой и амбициозный Е. Шевчук, объявивший частью своей внешнеполитической деятельности «тактику малых шагов» по преодолению молдово-приднестровских разногласий.

¹ Альянс «За европейскую интеграцию» (рум. *Alianța pentru Integrare Europeană*) – политический парламентский союз между Либерально-демократической партией, Демократической партией и Либеральной партией Молдовы.

² Россия имеет с Молдовой договор 1992 г., согласно которому и, подчеркну, – с согласия Кишинева – в регионе создан соответствующий миротворческий формат.

Неожиданно переговорный процесс между Тирасполем и Кишиневом заметно оживился, и изрядно поржавевшая за годы простоя тележка, под названием «5+2», резко устремилась по пути преодоления застарелых разногласий между ближайшими бессарабскими соседями.

Такой прыти от нового приднестровского президента Молдова явно не ожидала, но с охотой вновь включилась в переговорный процесс, который, увы, стал заметно притормаживать уже через год.

Приднестровская тактика малых шагов стала восприниматься Молдовой как ущербная, в первую очередь, из-за угрозы потерять Приднестровье навсегда. Так как для Тирасполя, по мнению Кишинева, формат «5+2» – способ выиграть время во избежание перехода к рассмотрению политического блока вопросов.

Приднестровье же, со своей стороны, считало необходимым сначала как следует «утрясти» вопросы социально-экономического характера между странами, а также вопросы перемещения товаров и грузов через молдово-приднестровскую границу. Молдова же спешила перейти к обсуждению «третьей корзины» – политического статуса Приднестровской Молдавской Республики в составе единой неделимой Молдовы.

С тех пор почти ничего не изменилось, а вопросов для обсуждения с обеих сторон накопилось предостаточно.

Что касается Приднестровья, то президент Приднестровской Молдавской Республики в своем обращении в адрес участников «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» в связи с 20-летием переговорного процесса просил приднестровскую делегацию уделить особое внимание следующим моментам:

- разблокированию грузопассажирских перевозок автомобильным транспортом Приднестровья в соответствии с Протокольным решением по вопросу выполнения международных перевозок от 17 февраля 1998 г., подписанным представителями Приднестровья и Молдовы;

- изучению возможности возобновления пассажирского авиасообщения с аэродрома в городе Тирасполь воздушными судами гражданской и медицинской авиации, авиации МЧС с подключением для урегулирования существующих противоречий ресурсов Объединенной контрольной комиссии;

- реализации положения действующего Меморандума 1997 г. (пункт 3) о свободе внешнеэкономической деятельности и режиме экспорта с таможенным оформлением грузов в Приднестровье;

- рассмотрению мер по созданию механизма торговли между Приднестровьем и Молдовой, свободного от взаимных барьеров тарифного и нетарифного характера, с учетом инициативы, представленной приднестровской стороной в ходе Конференции по мерам укрепления доверия в Ландсхуте 30–31 октября 2013 г.;

- целям повышения правовой защищенности населения сторон, искоренения дискриминационных подходов, исходя из места проживания и обучения, – в принятии неотложных мер по исполнению сторонами Протокола о взаимном признании действия на территории Приднестровья и Республики Молдова документов, выдаваемых компетентными органами сторон, и в первую очередь актов гражданского состояния;

- возврату из незаконного изъятия и владения Республикой Молдова 1 млн долл. США, перечисленных приднестровским оператором телефонной связи «Интерднестром» (IDC) в июле 2004 г. за лицензию на деятельность на территории Республики Молдова, которая впоследствии была аннулирована властями Молдовы, а вместе с тем 1 млн долл. США не был возвращен.

- желаний властей Республики Молдова подписать и реализовать Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с Европейским союзом (DCFTA)¹.

Принимая во внимание, с каким скрипом обычно сторонами принимается решение о той или иной повестке переговоров (не стала исключением и встреча 5–6 июня 2014 г. в Вене), обсудить такой огромный перечень столь серьезных вопросов даже за неделю не представляется возможным.

Поэтому, основными вопросами на втором раунде консультаций «5+2», проходившем в австрийской столице в начале июня 2014 г. являлась проблематика свободы передвижения людей и грузов, блокирования Молдовой внешнеэкономической деятельности приднестровских предприятий, административные барьеры со стороны кишиневских властей, банковская блокада ПМР и ряд других.

Делегация из Кишинева, в свою очередь, привезла в Вену пакет вопросов, входящих в так называемую «третью корзину». По большей части, Молдова изначально была намерена обсуждать политические аспекты приднестровского урегулирования, с чем так не желало и не желает соглашаться Приднестровье.

Кроме того, Кишинев продолжает попытки убедить Тирасполь в великой пользе для обоих берегов Днестра от подписания Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с Европейским союзом. С этим Тирасполь не согласен.

Главную проблему на пути политического урегулирования официальная Молдова видит в необходимости пересмотра миротворческого формата на левом берегу Днестра, состоящего, в частности, из военных Российской Федерации. Хотя в миротворческий контингент в зоне безопасности входят военнослужащие как из Молдовы, так и из Приднестровья.

Помимо прочего, обе стороны не забывают обвинять друг друга в постоянных провокациях, как со стороны молдавских полицейских, так и стороны приднестровских силовых структур.

Единственная польза от прошедшего в Вене второго раунда переговоров заключается в том, что стороны «договорились договариваться».

Посредники и наблюдатели, в свою очередь, на переговорах ограничиваются декларативными заявлениями и протокольными докладами. Так, например, председательство в ОБСЕ ежегодно передается от страны к стране, являющейся постоянным участником организации, но толку от этого не много.

Так, страна-участница, принявшая председательство в ОБСЕ, каждый год направляет группу специалистов для помощи в решении вопросов молдово-приднестров-

¹ Газета «Приднестровье». Позитивная тактика «малых шагов». № 130–131, 2014, С. 3. (<http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=4310>).

ского урегулирования. Дипломаты приезжают в Молдову, встречаются с местными властями, проводят консультации, диалоги; затем приезжают в Приднестровье и также встречаются с местными властями и вновь проводят консультации. Проходит год, председателем в ОБСЕ становится новый человек и снова все по кругу.

Таким образом, переговоры представляют собой замкнутый круг, внутри которого есть переговорщики, гарантии, повестка дня, отчеты отраслевых экспертных групп. Нет только одного – самого главного – политической воли к принятию политических решений. Соответственно, если такой воли нет у Молдовы и Приднестровья, возможно, она есть у иных участников переговорного процесса. И здесь на сцене появляются Запад, с одной стороны, и Россия – с другой.

Следует признать, что и эти стороны регулярно делают громкие заявления по поводу Приднестровья и Молдовы, рекомендуя продолжать переговоры в формате «5+2», но не особо спешат принимать конкретные решения для стабилизации обстановки на обоих берегах Днестра.

В этой связи, Кишинев и Тирасполь напоминают двух маленьких детей, сидящих на одних качелях, которые в противоположную от себя сторону толкает то Россия, то Запад, выясняя между собой, «кто сильнее» (так ведь можно обоих детишек покалечить).

Молдова терпеть такую ситуацию больше уже не может. Президент Молдовы Н. Тимофти в начале своего избрания в 2012 г. заявлял, что «приднестровский вопрос может быть решен исключительно мирным путем, и я высоко оцениваю возобновление переговоров по приднестровской проблеме в формате «5+2»¹. Но уже в апреле 2014 г. Н. Тимофти сообщил, что не видит пользы от такого формата переговоров, и настаивает на необходимости изменения формата «5+2» в целях повышения эффективности переговоров. С этим согласен и президент Румынии Т. Бэеску².

Да и Приднестровье, похоже, устало от многолетних малоэффективных консультаций. Не видя пользы от нескончаемых переговоров, Президент ПМР Е. Шевчук предложил Молдове «цивилизованно разойтись»³.

Вместе с тем следует констатировать, что консультации в текущем формате остаются пока единственно возможной площадкой для переговоров между Кишиневом и Тирасполем, позволяющей сторонам лишь попытаться разрешить хоть какой-то вопрос. А как возможно решать вопросы, если стороны не доверяют друг другу? Об этом открыто заявляет министр иностранных дел ПМР Н. Штански⁴. Направления развития как в политическом, так и в экономическом плане у Молдовы и Приднестровья противоположны.

А главный неуспех переговорного формата «5+2» кроется в отсутствии элементарных политических гарантий, которые мог бы дать Молдове Евросоюз, а Приднестровью – Россия.

Ведь не секрет, что Кишинев уже давно объявил европейскую интеграцию чуть ли не национальной идеей, с последующим вхождением в ЕС, не спрашивая при этом мнения собственного народа. В свою очередь, внешнеполитический вектор Приднестровья опирается лишь на результаты референдума 2006 г., на котором 98% избирателей высказались за независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации.

Ни то, ни другое наших «главных героев» в ближайшей и отдаленной перспективе не ждет.

Что касается Молдовы, то говорить о ее вступлении в ЕС не приходится. Ведь в самом Евросоюзе до сих пор не могут прийти в себя после принятия в состав ЕС Румынии и Болгарии – стран, которые уже шесть лет бьются за полноправное членство в Шенгенском пространстве. Что говорить о Молдове с полуторамиллионной армией гастарбайтеров и ВВП в 2038 долл. на душу населения?⁵

Поэтому европейские чиновники в качестве поддержки Молдовы ограничиваются переводом в страну небольших финансовых траншей и не скупаются на заявления о том, что Кишинев идет правильным европейским курсом. Ну вот, собственно, и все.

Приднестровью также нет оснований в ближайшее время рассчитывать на независимость, а уж тем более на вхождение в состав Российской Федерации.

Так, 17 апреля 2014 г. президент России В. Путин на прямой линии, отвечая на вопрос о существующей блокаде Приднестровья со стороны Украины и Молдовы, а также о том, что накануне парламент Приднестровья обратился в адрес президента России с просьбой признать независимость республики, заявил, что «нужно, безусловно, вести диалог и с Молдовой, и с Украиной, нужно интенсифицировать переговоры в рамках «5+2» – есть такая формула»⁶.

Таким образом, либо у В. Путина решения приднестровской проблемы пока нет, либо он пока не хочет раскрывать свои планы на этот счет. Второе кажется более правдоподобным.

Одно ясно, что ни Запад, ни Россия не готовы пока предоставить Тирасполю и Кишиневу конкретные политические гарантии будущего статуса государств.

Однако вернемся к переговорному процессу. Следующий этап переговоров должен был вновь состояться в Вене 11–12 сентября 2014 г. Но, видимо, молдавская сторона решила привнести в скучноватый однообразный переговорный процесс немного новизны, открыв массу уголовных дел в отношении ряда приднестровских должностных лиц. В их число попали члены и даже руководители отраслевых экспертных (рабочих) групп от Приднестровья, осуществляющих свою деятельность в формате «5+2». Более того, в списке фигурантов уголовных дел оказался председатель Правительства ПМР Т. Туранская.

Столь недружественный жест со стороны Кишинева не мог не вызвать возмущение у приднестровской стороны на самом высоком уровне. «Мы считаем, что это, как минимум, недружественный шаг, направленный на дезорганизацию атмосферы переговорного процесса», – заявил Президент ПМР Е. Шевчук⁷.

¹ <http://obzormd.com/2012/03/16/prezidentom-moldovy-izbrani-nikolae-timofiti/>

² <http://omg.md/Content.aspx?id=115922&lang=3>

³ <http://president.gospmr.ru/ru/news/pryamoy-efir-s-prezidentom>

⁴ Газета «Приднестровье». Внутренние и внешние факторы сближения. – № 134–135, 2014, – С. 2.

⁵ http://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf

⁶ <http://www.moskva-putinu.ru/#page/question>

⁷ <http://news.mail.ru/inworld/moldova/politics/19404095/?frommail=1>

В результате Тирасполь бойкотировал сентябрьский раунд переговоров, предложив вернуться к формату «челночной» дипломатии, когда представители посредников и наблюдателей в рамках переговорного процесса посещают последовательно столицы стран – сторон конфликта¹.

Спецпредставитель действующего председателя ОБСЕ Р. Богоевич заявил, что тактика «челночной» дипломатии может быть весьма успешной, но в очередной раз предложил сначала провести консультации в формате «5+2».

¹ Подобная практика существовала с 2006 по 2011 г.

В этой связи остается надеяться, что челнок «5+2» не будет затоплен искусственно нагнетаемыми волнами, исходящими то с правого, то с левого берега Днестра.

В заключение будет полезно процитировать посла по особым поручениям МИД Украины А. Веселовского: «несмотря на все препятствия, хотелось бы, чтобы переговорный процесс продолжался, потому что процесс не для процесса, а процесс – для результата»².

² Газета «Приднестровье». Приднестровье предлагает вернуться к «челночной» дипломатии. № 203–204, 2014. С. 4.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Сергей Маркедонов,

доцент Кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ

Украинский политический кризис (отягощенный изменением статуса Крыма и вооруженным противостоянием на Донбассе) стал без всякого преувеличения одним из самых важных событий в международной повестке дня нынешнего года.

Значение Украины в системе европейской безопасности невозможно недооценивать. Оно определяется целым рядом факторов.

Во-первых, Украина – вторая по размеру территории (603,7 тыс. кв. км) и пятая по численности страна Европы (даже за вычетом Крыма это более 42 млн человек). Ее площадь – это 5,7% всей европейской территории. Следовательно, появление Украины на карте мира в качестве независимого государства наряду с объединением Германии стало одним из самых важных геополитических изменений в Европе после 1945 г. И если, не дай Бог, произойдет ее коллапс, то это событие сможет претендовать на потрясение, сопоставимое по своему масштабу с распадом Югославии. И это притом, что в случае с Югославией не было таких факторов, как газовый транзит из России в Европу (что бы кто сегодня ни говорил о потенциальном снижении значения Украины в качестве страны-транзитера), или концентрации 80% всей инфраструктуры одного из российских флотов на Адриатике (как в Черном море в Севастополе и в Крыму).

Во-вторых, Украина – часть Черноморского региона, который принято рассматривать как важный элемент так называемого «пояса нестабильности» (от Балкан через Приднестровье до Южного Кавказа). На юго-западном

направлении Украина непосредственно граничит с Приднестровьем (405 км общей границы), которое являет собой один из неразрешенных конфликтов на территории бывшего СССР. До сих пор официальный Киев принимал участие в урегулировании данного противостояния в качестве гаранта. Но с началом нынешнего кризиса украинские власти заняли жесткую позицию в отношении непризнанного образования на Днестре, начав возведение оборонительных инженерных сооружений и введя ограничения на пересечение границы для обладателей российских паспортов – жителей Приднестровья.

И хотя Украину нельзя назвать ведущим игроком на Большом Кавказе, ее роль и значение в процессах в этом регионе невозможно игнорировать. В этой связи было бы целесообразно рассмотреть влияние нынешнего кризиса на Кавказский регион, являющийся одним из наиболее проблемных и нестабильных территорий на просторах бывшего Советского Союза. Для каждой из стран Закавказья Украина представляет свой особый интерес.

Стратегический союзник Киева

Грузия стала одной из первых постсоветских республик, подписавших с украинским государством Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (апрель 1993 г.). С этого момента многое изменилось. Менялись отношения Киева и Тбилиси с Москвой и Западом. Однако неизменным оставался настрой на стратеги-

ческую кооперацию. Грузинский политический класс рассматривал Украину как потенциального нового «старшего брата», способного выступать в роли альтернативы Москве и ее устремлениям. Отсюда и время от времени возникавшие дискуссии о размещении украинских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта, и попытки придать импульсы различным интеграционным проектам без российского участия (ГУАМ). Сегодня же внутри различных групп нынешней грузинской элиты и особенно экспертного и журналистского сообщества украинский кризис и революция воспринимаются не столько как проблема внутренней политики этой страны, сколько как частное проявление большого геополитического противостояния Москвы и Запада. В итоге многие вопросы повестки дня Украины зачастую без должного критического осмысления переносятся на грузинскую почву. Грузия при таком подходе рассматривается как следующий вероятный «кандидат» на немилость Москвы, а сама Россия – как некая имманентная угроза для всех ее соседей.

В поражении Украины и ее фрагментации политики и общественные деятели Грузии (как представители оппозиционного «Единого национального движения», так и правящей «Грузинской мечты») видят перспективу усиления российского давления на Тбилиси. В победе Киева над движением украинского юго-востока, поддержанным Россией, напротив, усматривают надежду на укрепление позиций Запада, хотя последнее спорно. Постсоветская история не раз показывала, что попытки выдавливания РФ из тех регионов, в которых она имеет прямой интерес, приводят к обратным результатам. И дело даже не в каких-то военно-политических демонстрациях Москвы, а в росте негативных настроений по отношению к политике США и НАТО, а также антизападного дискурса в российском обществе. Если кто-то в Вашингтоне опасается роста популярности В. Путина, то игнорирование интересов и мотивов Москвы как раз приводит к укреплению его позиций внутри страны. Практика не раз доказывала отсутствие прямых взаимосвязей между действиями России на Украине и в Грузии. Вспомним, как после «пятидневной войны» 2008 г. Кремль пошел на пролонгацию Большого договора с Украиной, несмотря на то что тогда ее президентом был не просто соратник, но и друг М. Саакашвили В. Ющенко. Однако представления о России как иррациональной силе, до сих пор лелеющей мечту о восстановлении СССР, живучи. Отсюда и весьма популярные дискуссии о «крымском оружии» России, параллелях между полуостровом и Абхазией с Южной Осетией. При этом в обоих случаях конфликтные ситуации рассматриваются без учета многочисленных нюансов и почти что исключительно в формате российского вмешательства без учета ответственности самих центральных властей Грузии и Украины.

Азербайджан: Между энергетикой и революцией

Особая статья – отношение к украинским событиям в Азербайджане. С одной стороны, Киев является многолетним партнером Баку. Среди приоритетов этого партнерства выстраивание «энергетических альтернатив» и минимизация зависимости от России. В ноябре 2013 г. в самый канун «Майдана-2» В. Янукович заявил: «Украина является надежным транзитером энерго-

носителей, в то время как Азербайджан выступает их надежным поставщиком. Взаимодействие в сфере энергетики является одним из приоритетных вопросов, и наши страны имеют все условия для объединения усилий в вопросах транспортировки углеводородов в европейском направлении». И какую бы сильную неприязнь ни испытывали к Януковичу новые власти Украины (впрочем, вопрос «новизны» требует отдельного обстоятельного рассмотрения, поскольку ее степень будет зависеть от применяемых нами критериев), есть большие сомнения в том, что на данном направлении они будут проводить иной курс. Впрочем, «вопрос всякой революции» на Украине еще не решен. И вот здесь проявляется другая сторона отношения Баку к проблеме. Власти Азербайджана крайне скептически относятся к революционным технологиям изменения власти. К слову сказать, популярное ныне слово «майдан» стало впервые символом гражданской и политической активности не на Украине, а в Азербайджане в период 18-дневного митинга (17 ноября – 8 декабря 1988 г.). Позже день 17 ноября объявят «Днем пробуждения» («Дирчелиш»). Азербайджанский «Майдан» (растянувшийся на три с лишним года) привел к приходу к власти Народного фронта (его выдвигенец Абульфаз Эльчибей победил на выборах президента в июне 1992 г.), недолгое правление которого едва ли ни привело к полному коллапсу нового независимого государства. Сегодня многие азербайджанские критики власти упрекают ее за административное давление, нажим на оппозицию и ограничения для СМИ, забывая при этом, что алиевский режим в прикаспийской республике стал ответом на бездарное администрирование и паралич власти, привнесенные революционерами начала 1990-х годов. За них и их последователей сегодня не хотят голосовать не только потому, что боятся авторитарной власти (эта ее черта ни у кого не вызывает сомнений, кроме откровенных апологетов и пропагандистов). Такова цена вопроса за широкое революционное творчество народных масс и определяющую роль улицы в политическом процессе. Между тем, «мини-майданы» были в Азербайджане и впоследствии (они, как правило, совпадали с избирательными кампаниями, как это было в 2003 и в 2005 гг.). Отсюда и крайне осторожная реакция на смену власти в Киеве. Думается, что Баку (как и другие столицы) будет дожидаться появления некоего центра силы и власти, с которым можно будет и дальше иметь дело. Но в отличие от Тбилиси Баку не будет поддерживать украинские революционные устремления. Одно дело бизнес или даже признание Карабаха частью прикаспийской республики, а другое – «революционный интернационал».

Украинский кризис как катализатор евразийской интеграции

Армению трудно рассматривать как важного партнера Украины. Некоторые попытки продвинуть двусторонние отношения были предприняты как раз в период президентской легислатуры В. Януковича (глава Армении посетил Киев в июле 2011 г. после десятилетнего перерыва!). У Еревана репутация стратегического партнера Москвы. И для условно новых властителей Украины это не самая лучшая аттестация. Впрочем, реше-

ние Армении присоединиться к ТС (Таможенному союзу) рассматривают как часть российского давления на стратегического партнера. И, надо сказать, официальный Ереван не слишком борется с такой интерпретацией. Ситуация жесткого выбора всегда отодвигалась Арменией, предпочитавшей внешнеполитический комплементаризм. Решение сентября 2013 г. спровоцировало укрепление «евразийского скептицизма» в экспертных и журналистских кругах. В рядах оппозиционеров он и без того присутствовал. Власти не поддерживают этот тренд открыто, заявляя о приверженности ТС и интеграционным проектам под российской эгидой. Но в то же время возвращение к комплементаризму считали бы для себя лучшим вариантом. По мнению многих влиятельных экспертов и дипломатов (данный подход не всегда афишируется), давление Москвы на Ереван по поводу евразийской интеграции было предпринято под влиянием фоновых факторов, прежде всего намерения Украины подписать Соглашение об Ассоциации с Евросоюзом. И после того как президент В. Янукович и правительство Азарова провалили подписание, а затем провалились сами, есть возможность либо выторговать у Москвы определенные преференции, либо де-факто вернуться к комплементаризму в той или иной упаковке. И в данном случае украинский сюжет может использоваться в выстраивании конфигурации российско-армянских отношений.

Впрочем, украинский кризис имеет и другие последствия. Именно он способствовал всплеску политической радикализации в Абхазии и Южной Осетии. В ходе югоосетинских парламентских выборов (8 июня 2014 г.) победу одержала партия «Единая Осетия» (ее лидер Анатолий Бибилов получил пост спикера высшего представительного органа власти), последовательно выступающая за реализацию проекта объединения республики с Северной Осетией под эгидой и в составе РФ. В ходе внеочередных президентских выборов в Абхазии (24 августа 2014 г.), которые явились результатом массовых выступлений оппозиции и отставкой главы республики Александра Анквабы, победу одержал Рауль Хаджимба, лидер «Форума народного единства Абхазии», выступающий за углубление военно-политической кооперации с РФ и практически полное замораживание контактов и приграничных отношений с Грузией. Среди ближайших планов нового абхазского руководства – подписание нового договора с Россией, в котором, скорее всего, будут прописаны вопросы углубления военной интеграции и либерализации пограничного режима между Абхазией и РФ.

Без мультипликации крымского опыта

Тем не менее Москва не пошла по пути мультипликации «крымского казуса» на Кавказе. Выступая за подписание новых договоров с Абхазией и Южной Осетией (в результате которых их военная зависимость от Москвы возрастет), Россия в то же время уклоняется от постановки вопроса об изменении их нынешнего статуса и возможном расширении государства путем присоединения новых субъектов. Прежний подход, основанный на де-юре признании независимости двух бывших автономий Грузинской ССР, продолжает работать.

Особая статья – Нагорный Карабах. Летом 2014 г. в этой «горячей точке» бывшего СССР были зафиксированы самые масштабные случаи нарушения режима прекращения огня за двадцать лет перемирия. Во многом это стало возможным благодаря растущему противостоянию России и стран Запада, которые в урегулировании именно этого конфликта многие годы успешно сотрудничали. Тем не менее с начала украинского кризиса стали ощущаться стремления каждой из участниц Минской группы ОБСЕ к проведению собственной миротворческой деятельности. К такому можно отнести майское выступление американского дипломата Джеймса Уорлика (его «элементы урегулирования» были представлены как план правительства США), трехстороннюю встречу президентов РФ, Армении и Азербайджана в Сочи в августе 2014 г., переговоры глав двух кавказских республик с госсекретарем Джоном Керри на полях саммита НАТО в Ньюпорте в сентябре. Однако до сего времени российское руководство принципиально не поменяло ни одного из своих прежних подходов к карабахскому урегулированию (статус НКР, роль Минской группы и участие в ней). Оно лишь сделало незначительную коррекцию, фактически выступив за дополнение переговорного формата трехсторонними встречами с участием лидера РФ. Впрочем, после августовской встречи в Сочи эта идея не получила последовательной реализации. Ее, скорее, можно рассматривать как некую декларацию о намерениях.

Украинский паттерн

После смены власти в Киеве Украина становится своеобразным паттерном для постсоветского пространства. Если Россия сегодня видится как страна, ориентированная на консервативную, стабилизационную и даже антиреволюционную модель, то Украина воспринимается как государство, в котором возможно «потрясение основ». Конечно, революции и протестные движения не передаются с помощью вируса. Для того чтобы украинский опыт сработал в Армении, Азербайджане, Грузии или непризнанных республиках, нужны определенные предпосылки (особенности политической элиты, социально-экономического развития, возможности для внешнего вмешательства). Но сама модель, при которой политически активная часть общества, мягко или жестко нарушая законодательство и апеллируя при этом к праву народа на смену авторитарной власти, добивается цели, видится чрезвычайно притягательной. Тем более что опыт своих «майданов» (удачных и провальных) в каждой стране имеется. Армения прошла через потрясения 1996, 2003 и 2008 гг. Да и итоги выборов 2013 г. также оспаривались на улице, хотя и в несопоставимых с 2008 г. масштабах. Интересно, что в этой республике одни и те же персонажи в разных ситуациях выступали противниками и сторонниками «майданной технологии». Например, в 1996 г. президент Левон Тер-Петросян вводил режим ЧП после того, как его оппоненты попытались взять штурмом парламент. В 2008 г. уже оппозиционер Левон Тер-Петросян призывал на улицах бороться с «антинародным режимом» Р. Кочаряна и нечестными выборами. Итоги того противостояния в Армении сегодня называют «кровавой субботой».

Если же говорить о Грузии, то только осенью прошлого года высшая власть в этой стране сменилась в результате конкурентных выборов, а не цветной революции (которая подвела черту под правлением Эдуарда Шеварднадзе) или военного путча (в результате которого свергли первого всенародно избранного президент Звиада Гамсахурдиа).

Таким образом, украинский опыт изучается и анализируется. С разных позиций и с диаметрально противоположными выводами. Как говорил второй украинский президент Л. Кучма, «все зависит от точки сидения». Пока она не превращается в стартовую точку для забега в неизвестность.

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН, Центром по изучению проблем европейской безопасности с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и необязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик Ю.С. Пивоваров

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д.п.н. А.И. Никитин

К.и.н. А.В. Загорский

Главный редактор – к.и.н. Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова